

Цзян Дун на мгновение замер, затем обернулся и уставился на «Ресторан животных», будто сказанное не имело к нему никакого отношения. Пальцем он провёл по экрану, переключив интерфейс на страницу с кафе, затем выбрал одно из рабочих мест и поделился им в группе взаимопомощи. Только после этого он медленно произнёс:

— Прогул, отличник.

— ... — Чэн Лан приподнял бровь, едва сдерживая смех. — Понял. Ты хочешь сказать, что прогулял урок и при этом ты действительно отличник?

Цзян Дун промолчал, опустив голову и уставившись на ноги мужчины средних лет.

Чэн Лан постоял рядом, понимая, что тот не хочет разговаривать, или, точнее, не хочет разговаривать с ним. Он почувствовал, что его попытка завязать беседу оказалась неудачной. В конце концов, он просто хотел поздороваться, но этот парень оказался слишком холодным.

— Ну, тогда я...

— Ты покупаешь вазу? — вдруг произнёс Цзян Дун, прерывая его.

— ...Да, — Чэн Лан проглотил слова «я пойду» и почувствовал себя неловко.

Общаться с этим парнем было слишком утомительно.

— Ты любишь выращивать цветы? — снова спросил Цзян Дун.

— Нет... Почему ты спрашиваешь?

— Ты покупаешь вазу.

— ...

Он вздохнул, взглянул на высокую вазу и объяснил:

— Это для моего офиса. Та, что была, сломалась, у неё откололся угол, и мне это не нравилось, поэтому я решил купить новую.

Цзян Дун помолчал пару секунд, не зная, как продолжить, затем сухо спросил:

— Специально пришёл за этим?

— ...Не совсем, просто проходил мимо. Отличники всегда такие?

— Ага, — сказал Цзян Дун.

Чэн Лан сжал губы. Любопытство взяло верх, и он уже хотел спросить, зачем тому вдруг понадобился журнальный столик, как сзади раздался голос:

— Директор!

Ван Сянсян и Да Мин стояли рядом с диваном, где только что сидел Чэн Лан, видимо, пришли забрать его с собой. Чэн Лан обернулся и увидел, что у входа гейчик, Сяо Лю и Вэньвэнь потягивали молочный чай, вероятно, не заходили в ИКЕА.

Ван Сянсян, увидев, что Чэн Лан обернулся, снова спросила:

— Пойдём? Уже поздно, слишком долго прогуливаешь.

Совсем не осознавая, что сама была главной сторонницей прогулов.

— Пойдём, — кивнул Чэн Лан, затем повернулся к Цзян Дун, который поднял голову, услышав шум, и вежливо улыбнулся. — Тогда я пойду на работу, а ты заканчивай поскорее. Пока.

Цзян Дун, казалось, о чём-то думал, произнёс:

— Ага, — и только через мгновение добавил жёстко:

— Пока.

Наблюдая за удаляющейся фигурой, Цзян Дун взглянул на группу явно знакомых друг с другом людей, испытывая лёгкое удивление.

Он думал, что Чэн Лан пришёл один, но оказалось, что нет.

Там было человек шесть или семь, все выглядели молодыми, максимум на пять лет старше него.

Среди них были и мужчины, и женщины, все выглядели счастливыми, вероятно, у них были хорошие отношения с Чэн Ланом.

Так много людей сразу, пришли развлекаться? Устраивают встречу?

Как та женщина назвала Чэн Лана?

— ...Директор?

Цзян Дун сжал губы и вдруг улыбнулся.

Четвёртый урок только что закончился, и телефон в кармане Цзян Дуна завибрировал.

На кафедре ещё толпились ученики, задавая вопросы учителю истории о последнем задании вчерашнего теста. Учитель с добродушной улыбкой отвечал на каждый вопрос, и, судя по всему, ему потребуется минимум полчаса, чтобы покинуть здание.

Ван Пэн уже несколько часов мучился от голода, его лицо позеленело, и, как только прозвенел звонок, он первым выскочил из класса. Его скорость была настолько высока, что даже Сюй Фэй и Чэнь Чжэньюй, которые обычно занимали первые места на соревнованиях на тысячу пятьсот метров, не смогли его догнать.

Чэнь Чжэньюй, закончив убирать свой стол, обернулся и увидел, что Цзян Дун смотрит в телефон. Он подошёл к нему, стукнувшись стулом о его стол.

— Дунцзы, пойдёшь есть?

Цзян Дун не поднял головы, продолжая смотреть в телефон, и холодно произнёс:

— Последний раз говорю: не стучи по столу. В следующий раз я выкину тебя вместе со стулом на спортивную площадку.

Чэнь Чжэньюй замер, затем рассмеялся.

— Ладно, ладно, понял. Пойдём есть, живот Сюй Фэя уже сводит с ума.

Цзян Дун убрал телефон, понимая, что тот снова не воспринял его слова всерьёз, и, подняв глаза, бросил на него лёгкий взгляд.

— Ты тоже скоро сойдёшь с ума.

На телефоне было сообщение от ИКЕА, уведомляющее, что журнальный столик уже доставлен.

Мама разбила тот столик, и он купил точно такой же.

Тот разбитый столик и тот дом были куплены Цзян Цзяньго.

Цзян Дун помнил, как в детстве его самым любимым человеком был Цзян Цзяньго, его отец.

Но было странно, что он тогда не понимал, почему его отец отличался от других отцов.

Потому что другие отцы приходили домой каждый день, иногда даже забирали детей из

школы, и вся семья жила в гармонии и счастье. Но его отец никогда не забирал его из школы и не приходил домой каждый день.

Самое раннее воспоминание об отце относилось к тому времени, когда он учился в старшей группе детского сада. До этого он действительно думал, что женщина может родить ребёнка самостоятельно.

Однажды он возвращался домой с рюкзаком и увидел в гостиной у журнального столика мужчину с немного полноватой фигурой, одетого в костюм, с серебряными очками, выглядевшего очень интеллигентно. Его движения были наполнены невыразимой мягкостью.

Тогда Цзян Дун был ещё вежливым мальчиком и вежливо поздоровался:

— Дядя.

— Зови папой! Сяодун, это твой папа!

Мама быстро вышла из спальни, одетая с иголки, с нанесённым макияжем, излучая молодость, словно вокруг неё витали розовые пузыри.

Мужчина на диване тоже пошевелился, вытянул шею и с дрожью в голосе посмотрел на него, глаза полные ожидания, как будто в его голове была натянута струна, и, если Цзян Дун произнесёт то, что он хочет услышать, он разрыдается.

Цзян Дун не позвал.

Не прошло и трёх секунд молчания, как мама вдруг быстро подбежала к нему, всего за несколько шагов оказавшись перед ним.

Рукава скрывали её руки, через куртку она ущипнула его за руку, и в ухе раздался голос, полный угрозы и соблазна:

— Сяодун, хороший мальчик, позови папу.

— ...

Мама повторила, но на этот раз с ноткой нетерпения:

— Быстрее! Позови папу! Это твой папа!

— Па...

— Ах! Хороший сынок!

Мужчина средних лет, словно получив одобрение, встал, сделал несколько шагов к нему, наклонился и обнял его, ласково погладив по голове.

Мужчина заплакал, опустив голову, слёзы упали на его очки и быстро скатились вниз.

— Ты хорошо живёшь? Хорошо кушаешь? Как в школе? Есть ли игрушки, которые ты хочешь? Папа всё тебе купит, позови ещё раз, хорошо?

Именно с этого момента Цзян Дун начал запоминать.

До этого он всегда думал, что мама просто немного вспыльчива и переменчива, но оказалось, что это не так.

Потому что, как только этот человек появлялся, мама становилась мягкой и заботливой матерью.

Как и мамы других детей в детском саду, она готовила ему много вкусного, давала больше карманных денег.

Самое приятное было то, что она его не била.

Все болезненные воспоминания, крики и слёзы были только потому, что этого человека не было рядом.

Этот человек, которого он называл папой, иногда приходил три раза в неделю, а иногда не появлялся и месяц. Каждый раз, когда мама менялась в лице, Цзян Дун молился, чтобы этот человек поскорее пришёл и «вылечил» её.

Папа относился к нему хорошо, каждый раз приносил много сладостей и игрушек. Цзян Дун не любил ни игрушки, ни сладости, но, увидев строгий взгляд мамы из угла, он был вынужден притвориться, что очень рад, и принимать всё.

Тогда у Цзян Дуна всегда было предчувствие, что если он заставит маму потерять самообладание перед папой или если папа бросит на него разочарованный взгляд, мама убьёт его.

Что касается того разбитого мамой журнального столика, он на самом деле хранил много воспоминаний Цзян Дуна.

Папа всегда предупреждал маму перед своим приездом. Если Цзян Дун видел, как мама вдруг начинала суетиться, приводить себя в порядок, убирать дом или дрожащим голосом звонить тётке, чтобы та купила продукты и приготовила еду, можно было не сомневаться: папа приедет.

На лице Цзян Дуна, обычно бесстрастном, появлялась лёгкая улыбка.

Или, скорее, облегчение.

Когда папа, уставший с дороги, приходил домой, мама, сияя, подбегала к входной двери, помогала ему снять пальто и взять портфель. Они, как обычно, обнимались у двери — мама всегда любила обнимать папу, как котёнок, прижимаясь к нему.

Однажды Цзян Дун случайно увидел это и подумал, что мама в тот момент была совсем не похожа на ту, которую он знал.

<http://bllate.org/book/15499/1374855>